

Юрий Бондарев
ЮНОСТЬ КОМАНДИРОВ
Часть первая
«ЕЩЕ НЕ СМОЛКЛИ ПУШКИ»

1

Они медленно шли по улице. Снег летел в свете одиноких фонарей, сыпался с крыш; возле темных подъездов намело свежие сугробы. Во всем квартале было белым-бело, и вокруг — ни одного прохожего, как в глухую пору зимней ночи. А было уже утро. Было пять часов утра нового, народившегося года. Но им обоим казалось, что не кончился еще вчерашний вечер с его огнями, густым снегом на воротниках, движением и сутолокой на трамвайных остановках. Просто сейчас по пустынным улицам спящего города мела, стучала в заборы и ставни прошлогодняя метелица. Она началась в старом году и не кончилась в новом.

А они шли и шли мимо дымящихся сугробов, мимо заметенных подъездов. Время утратило свой смысл. Оно остановилось вчера.

И вдруг в глубине улицы показался трамвай. Этот вагон, пустой, одинокий, тихо полз, пробиваясь в снежной мгле. Трамвай напомнил о времени. Оно сдвинулось.

— Подождите, куда мы пришли? Ах да, Октябрьская! Смотрите, мы дошли до Октябрьской. Хватит. Я сейчас упаду в снег от усталости.

Валя решительно остановилась, опустив подбородок в мех воротника, задумчиво поглядела на мутные в метели огни трамвая. От дыхания мех возле губ ее заиндевел, заиндевела кончики ресниц, и Алексей увидел: они смерзлись. Он проговорил:

— Кажется, утро...

— А трамвай такой унылый, усталый, как мы с вами, — сказала Валя и засмеялась. — После праздника всегда чего-то жалко. Вот и у вас почему-то грустное лицо.

Он ответил, глядя на приближающиеся из метели огни:

— Я четыре года не ездил на трамвае. Я хотел бы вспомнить, как это делается. Честное слово.

В самом деле, за две недели пребывания в артиллерийском училище в тыловом городе Алексей мало освоился с мирной жизнью, он был изумлен тишиной, он был переполнен ею. Его умиляли отдаленные трамвайные звонки, свет в окнах, снежное безмолвие зимних вечеров, дворники у ворот (совсем как до войны), лай собак — все-все, что давно было полузабыто. Когда же он один шел по улице, то невольно думал: «Вон там, на углу, — хорошая противотанковая позиция, виден перекресток, вон в том домике с

башней может быть пулеметная точка, простреливается улица». Все это привычно и прочно еще жило в нем.

...Первый раз за четыре года ему пришлось встречать Новый год не в землянке с одним мерзлым окошком в синь ночи, не на марше, трясясь на передке противотанкового орудия, не с фронтовыми ста граммами, привезенными под праздник старшиной прямо на огневую, а в глубоком тылу, в незнакомой компании, в которую бог весть как вошел Борис, однополчанин Алексея, встречать Новый год и удивляться судьбе: очень непривычно было это неожиданное мирное веселье после того, как все довоенное будто кануло в бездну лет.

Здесь, в этой студенческой компании, Алексей мало пил и не пьянел — было ему беспокойно и не хватало чего-то обыкновенного, простого, ясного. Он увидел, вернее, обратил на Валю внимание во время танцев, когда Борис первый с рыцарским поклоном пригласил ее и она пошла с ним, чуть покачиваясь на высоких каблуках, что-то смело и быстро говоря ему, ее глаза заблестели улыбкой; и Алексей почему-то также заметил: то, что она танцевала с Борисом, было неприятно хозяйке дома Майе Невской, худенькой, с темными, как ночная вода, глазами; она следила за Борисом с беспокойством и ожиданием.

Танец кончился; смеясь и разговаривая, они сели на диван. Валя как бы случайно скользнула по лицу Алексея вопросительным взглядом, и он услышал ее голос:

— А кто он? Этот, весь в орденах?

— Андрей Болконский в байроническом плаще, — не задумываясь, ответил Борис и весело подмигнул в его сторону.

Услышав это, Алексей сначала подумал, что говорили не о нем, но сейчас же понял, что говорили именно о нем: она смотрела на него. Тогда он подошел к Вале, сказал, преодолевая стеснительность:

— Простите, этот остряк знает мое имя около трех лет.

— Он всегда прав, Валенька, — преувеличенно серьезно произнес Борис и отошел к Майе Невской.

— Вот как? — Она подняла глаза, и Алексей увидел, как ее маленькое ухо с нежной мочкой залилось румянцем. Она движением головы откинула светлые волосы со лба и с шутливым видом протянула руку: — Меня зовут Валя. Фамилия моя — Мельниченко. Только к вашему комбату Мельниченко я никакого отношения не имею. Об этом Борис уже спрашивал.

— Но я и теперь не знаю, кто вы.

— Кто я? Я — вольная синица, что море подожгла. — Она тотчас встала, спросила, глядя ему в глаза: — Вы, конечно, танцевать не умеете?

— Научите, — ответил он.

Когда глубокой ночью расходились от Майи Невской и долго со смехом толкались в тесной передней, разбирая пальто, галоши, боты, оказалось, что Валино пальто висит под шинелью Алексея, и он, не спрашивая разрешения, помог ей одеться, сказав:

— Я вас провожу. Можно?

— Попробуйте, — ответила она с удивлением, однако подумала и, натягивая перчатку, добавила: — Что же, проводите, если вы такой храбрый...

И вот теперь он провожал ее, и совершенно одни среди снегопада стояли они на трамвайной остановке — за незначительными словами скрывалось любопытство.

— Так сядем? — спросила она. — Или потопаем пешком?

— А вы? Хотите пешком?

— Нет, лучше доедем до Лесной. Устала очень. Вот возьму сейчас и сяду в сугроб и буду сидеть, пока трамвай подойдет...

— Пожалуйста, — сказал Алексей.

Они сели в трамвай. Вагон был пустой и холодный, морозно светились мохнатые, заиндеветавшие стекла, кое-где к ним были прилеплены использованные билетки — следы вчерашней новогодней сутолоки. Старик кондуктор, в перепоясанном тулупе, в валенках с галошами, спал, уткнув нос в поднятый воротник, изредка поеживаясь, заспанно бормотал наугад «Парк культуры» и снова втягивал голову в мех. Все в вагоне скрипело от мороза, сиденья были ледяными.

Валя подобрала вокруг ног пальто, сказала:

— Конечно, за билеты платить не будем. Поедем «зайцами». Тем более кондуктор видит новогодние сны!

Одни в этом пустом трамвае, они сидели напротив и так близко друг от друга, что шинель Алексея задевала Валины колени. Валя вздохнула, потеряла перчаткой скрипучий иней окна, подышала; пар ее дыхания пополз по стеклу, коснулся лица Алексея — чуточку повеяло теплом. Валя протерла «глазок»: в нем редко проплывали мутные пятна фонарей. Потом отряхнула перчатку о колени и, выпрямившись, подняла близкие глаза, спросила серьезно:

— Вы что-нибудь сейчас вспомнили?

— Что я вспомнил? — проговорил Алексей, в упор встретив ее взгляд. — Одну разведку. И Новый год под Житомиром, вернее — под хутором Макаровым. Нас, двоих артиллеристов, тогда взяли в поиск...

— И что же было дальше?

— Мы благополучно прошли нейтралку, подползли к немецким траншеям. Когда ползли по нейтралке — ни одной ракеты. Ни выстрела. Спрыгнули в немецкую траншею — везде пусто, тихо. Только огоньки видны сквозь снег, и кажется: где-то поют. У немцев, оказывается, сочельник. Подошли к крайнему блиндажу. Ни одного часового. Из трубы искры летят. Заглянули в окошко — видим: на столе картонная елка, на ней свечи, пятеро немцев сидят вокруг и поют. Мы поставили сержанта часовым у блиндажа и сразу вошли в маскхалатах, с автоматами. Все в снегу — просто привидения. Немцы увидели нас, разинули рты и замолчали. Смотрят на нас и ничего не могут понять. В общем, видим: самый старший в блиндаже — обер-

лейтенант, и, конечно, командуем: «Оружие сдать! Идти за нами!..» И тут обер-лейтенант опомнился: «Это русские!» — и за парабеллум. Один из нас ударил его гранатой по голове, и он упал. В эту минуту мы испугались одного — за жизнь обер-лейтенанта, он был ценным «языком».

— А что вы сделали с остальными? — спросила Валя.

— Когда обер-лейтенант упал, остальные немцы открыли огонь. Обер-лейтенант был самым крайним к нам. Мы подхватили его и — в траншею. Вот и все.

— А немцы?

— Когда мы отошли метров на пятьдесят, у них поднялся шум, вслед нам стали бить пулеметы, но вслепую — метель была страшная...

Трамвай катился по улицам, мерзло визжали колеса; Валя наклонилась к протертому «глазку», который уже весь густо налился холодной синью: то ли светало, то ли перестал снег, и луна засияла над городом.

— Ну вот, проехали две лишние остановки, — внезапно сказала Валя. — Слезаем.

Они вышли на углу возле аптеки с темными окнами. На хрустящем голубоватом снегу сразу увидели свои тени и длинные тени тополей. Было необычайно тихо, так бывает только после снегопада. Накаленная холодом высокая январская луна стояла над городом в чистом, студеном небе, и вся пустынная улица, заваленная сугробами, была видна из конца в конец.

Валя медленно шла, глядя себе под ноги, иногда сдергивала с пальцев перчатки, затем снова натягивала их.

— Как вы просто говорили о войне, — сказала она. — Ужасно ведь это...

Они шли по лунным глухим переулкам, мимо залепленных свежим снегом домов. Валя сказала в воротник:

— Что же вы молчите?

— Слушаю, — грустно ответил Алексей. — Слушаю скрип снега... Весь город спит... А мы с вами не спим. Тишина во всем мире.

— Возьмите меня под руку, — неуверенно проговорила Валя. — Видите, сугробы?

Он взял Валу под руку и почувствовал ее дрожь.

— Вам холодно?

— Нет.

Он сейчас же снял свои перчатки.

— Наденьте, они меховые. Вам будет теплей. А то сначала замерзают руки, потом замерзаешь весь. Я знаю.

— А как же вы?

— Я привык. Честное слово.

— Хорошо, давайте ваши перчатки, — не сразу сказала она. — А вы подержите мои.

Он со странным чувством взял ее перчатки, усмехнулся, сунул в карман.

— Очень маленькие перчатки у вас...

Они миновали мост над железной дорогой — здесь дуло пронзительным холодом; далекие огни вокзала дрожали в розоватом пару. Потом опять лунные синие сугробы, опять нежный скрип снега под Валиными ботами.

Неожиданно Валя остановилась.

— Мы пришли.

Они стояли перед огромным домом без огней; над подъездом — эмалированная дощечка с номерами квартир; единственная здесь лампочка светила в фиолетовом кругу.

— Возьмите свои фронтовые перчатки. Спасибо.

Алексей, хмурясь, тихо и ненужно спросил, разглядывая эмалированную дощечку над подъездом:

— Это ваш дом?

— Да. А вы что — не верите?

— Валя, — полусерьезно проговорил Алексей, — у вас очень несчастливый номер дома — тринадцатый.

Она протянула руку, спросила с любопытством:

— Seriously? Вы суеверны?

— Почти, — он осторожно пожал ее узкую руку. — До свидания.

Валя вошла в черный подъезд. Гулко хлопнула дверь парадного, разметая снежинки на тротуаре. Простучали боты в глубине лестницы — и наступила непроницаемая тишина зимней ночи.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66